и теснота» французского.[105] Подобное читаем и в «Предисловии о пользе книг церковных» (1759) Ломоносова. Как органическую часть национального литературного языка церковнославянский отличает особенное «богатство», которое обязано в свою очередь греческому влиянию.[106] И Ломоносов хочет связать русскую культуру с классической древностью и таким образом противопоставить Западной Европе.

Ориентация на античность проявляется у Тредиаковского и в новом понимании рифмы.[107] В первом «Способе» рифма — естественная часть нового стиха. Во втором варианте «Способа» Тредиаковский позволяет употреблять рифму лишь с большими оговорками. В сущности, это «токмо постороннее украшение», восходящее к варварским временам: «ни древние Греки, ни Римляне отнюдь ея в своих Стихах не употребляли и не знали...»[108]

Следующий шаг делает Тредиаковский в своей «Тилемахиде» (1766). Этот ориентированный на античность эпос создан в противовес эпосу нового времени, не только «Генриаде» Вольтера, но и эпическому фрагменту Ломоносова «Петр Великий».[109] В свое время и Кантемир предпринял попытку в «Петриде» ввести тему из новой истории, но этот фрагмент не был опубликован и, вероятно, был неизвестен Тредиаковскому. Тема «Тилемахиды» — не новая история, а классическая древность, образцом в языковом отношении является гомеровский эпос.[110] Античной стилизации служит и дактилохореическая и безрифменная форма русского гекзаметра, известная уже из второго «Способа». В «Тилемахиде» она выступает тоническим эквивалентом классического гекзаметра, причем Тредиаковский с особенным тщанием добивается освобождения от рифмы. Рифма, как подчеркивает он в предисловии, так же чужда существу русской поэзии, как греческой и латинской.[111] Таким образом, полемика выходит за рамки эпического жанра и направлена против всей традиции русского стиха в том виде, в каком последняя была утверждаема Ломоносовым и Сумароковым. Отказываясь от «чуждой» рифмы, Тредиаковский подтверждает родственность его собственной поэзии античной: в «Тилемахиде» русская поэзия вернулась наконец на круги своя, достигнув субстанционального единства с классической древностью, Тредиаковский же превзошел не только своих русских соперников, но и всю поэзию Западной Европы, служащую им образцом.

По мнению Тредиаковского, родственная близость русской и ан-

---

105 Там же. Т. 2. С. LXIII.

106 *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. Т. 7. С. 13. Ср.: *Живов В. М.* Богатство русского языка в концепции Ломоносова, его современников и последователей // Культурные конфликты в истории русского литературного языка XVIII—начала XIX века.

107 *Якобсон Р. О.* Влияние народной словесности на Тредиаковского. С. 624.

108 *Тредиаковский В. К.* Соч. Т. 1. С. 164.

109 *Rosenberg K.* The Quarrel between Ancients and Moderns in Russia. P. 220.

110 *Алексеев А. А.* Эпический стиль «Тилемахиды» // Язык русских писателей XVIII века. Л., 1981. С. 68—95.

111 *Тредиаковский В. К.* Соч. Т. 2. С. LXI.